

В сильном и стройном ансамбле Украинского драматического театра имени Шевченко, выступающего в Москве, ярко выделяются корифеи украинской сцены — народные артисты Советского Союза М. Крушельницкий и И. Марьяненко. Их творчество относится к лучшим страницам истории советского театра в целом. Их реализм глубок и полнозвучен.

Небольшой ростом, круглоголовый, верткий и быстрый в движениях, Крушельницкий, кажется, создан для ролей комиков и простаков. Это особенно сильно чувствуется в первых трех действиях старинной драмы Кропивницкого «Дай сердцу волю — заведет в неволю», где Крушельницкий играет Ивана Непокрытого — бобыля и сироту. Заводят ли девушки и парни игры и хороводы, поют ли свои голосистые песни, собираются ли на вечеринки и посиделки, Иван, как его изображает Крушельницкий, — всегда первый затейник и забавник. Веселость и юмор, шутка и прибаутка — его родная стихия.

Таким и остался бы Крушельницкий в памяти, если бы не IV акт, где Иван решает заменить своего побратима Семена во время рекрутского набора и вместо своего друга пойти в солдаты. В этих простых и трогательных сценах Крушельницкий дает образец высокого драматизма. В сущности, ничего не меняется в манере игры. Те же скользящие жесты, те же интонации-искорки, — но в ином душевном ключе. И перед нами полностью разворачивается картина человеческого горя. Только это — мужественное горе. И ведет ли Иван свою шутливую беседу с горшками да кочергами, или поет свое «Ходит гарбуз по городу», — он все это делает с большим лирическим подтекстом. Слеза застилает ему глаза, и как тепло он пеняет на свои очи, что начали плакать. И нам трудно удержаться от слез, когда мы видим, как подбадривает себя этот худенький человек в залатанной свитке.

Еще по-новому раскрывается Крушельницкий — Иван, когда он так по-детски мечтает о вышитой сорочке, которой у него сроду не было. Когда жена Семена — Одарка подарила Ивану вышитую ею для мужа рубашку, то Крушельницкий не тро-

М. Крушельницкий
и И. Марьяненко
в спектаклях театра
им. Шевченко

гает, а едва-едва касается дорогого для него подарка. Его руки труженика становятся нежными, и он поднимает сорочку со стола так бережно, как взяла бы мать на руки своего ребенка.

Становится ли от этого Крушельницкий актером драматического, а не комического плана? Нет, комизм попрежнему его хлеб, соль и воздух. Но это — комизм высокий, тот комизм, который таит в себе не только веселье, но и печаль, не только радость, но и грусть. Это — комизм Гоголя, это не только «чужден Днепр при ясной погоде», но и осенний дождь над побуревшими сжатými полями, это и злое лихо, что без жалости преследует бедняков.

В «Богдане Хмельницком» Крушельницкий играет дьяка Гаврилу. С точки зрения развития сюжета это вставная роль, как бываю вставные сцены. Но уберите Гаврилу из пьесы, и исчезнет какая-то

Народный артист СССР М. Крушельницкий в роли Галушки.

особая краска, без которой похвнут и потускнеют соседние цвета. И это особенно ясно, когда смотришь Крушельницкого. Главное и пленительное в его Гавриле — естественность переходов от «небесного» к земному, от благословения крестом к удару саблей. У Гаврилы в пьесе, в сущности, есть только один большой эпизод: прием в Запорожское войско новых казаков. Крушельницкий в этой картине «купаются». Как актер, он ничего не упустил и ничего не оставил без внимания. Вот он, заребисто зачерпнув из бадьи кружкой горилку, осеняет ее мелким и торопливым крестным знаменем, бегом пронзительно очерчивает здравницу и жадно опрокидывает в свою глотку, а затем, поднес к носу тарань, «закусывает» ее запахом. Про Гаврилу — Крушельницкого можно сказать словами пословицы: «пьян да умен — два угодья в нем». Запыхли и без того глубоко сидящие глаза, но взгляд их, — как острый буравчик, и понимаешь, что от Гаврилы не укроется никакой враг, как бы искусно он ни был переодет в самый заправский крестьянский кафтан.

В заключительном действии Гаврила облечен в нарядный жупан, с его бритой головы свисает ослепительная, но прежний забубенный Гаврила живет в этом военачальнике. И в пышных хоромах гетманской резиденции Гаврила — Крушельницкий остается тем же странником и бродягой, нет-нет да и проскользнет в нем дьяк, веселый служитель бога, который, придя под райские кущи, будет тосковать по недопитой на земле горилке.

Совсем иным предстает перед зрителем Крушельницкий, когда он играет в комедии Корнейчука «В степях Украины» председателя колхоза «Тихая жизнь» Кондрата Галушку. Искусно подогнанные толщинки превратили щуплого «сироту» Ивана из драмы Кропивницкого в шарообразного толстяка. Военные шаровары, высокие чоботы, красный пояс на внушительном животе, помочи, пересекающие пестро вышитую сорочку — и надо всем этим бритая голова с загривком, где жирные складки скрывают линию и без того короткой шеи. Шар поменьше на шаре больше — таким лепит своего Галушку Крушельницкий. Это уже не человек, а символ, живое

воплощение той «тихой жизни», какую насаждает Кондрат в руководимом им колхозе.

Но Галушка — далеко не глуп. Его не назовешь ни дураком, ни простофилей. Он человек с хитрецей, и Крушельницкий и играет как раз эту хитрость ума. Вы сразу же видите, что такого Галушку на коне не обведешь. Он сам кого хочешь обведет вокруг пальца. И это уже его «гоголевская» беда, что он принял секретаря обкома «за ответственного шофера», а с ответственным шофером вел себя по рецепту пройдох Долгоносика, твердо убежденного, что каждый шофер обязательно работает «налево».

На сколько ладов Крушельницкий произносит свое знаменитое «в курсе дела!» Но при всем этом он не «разоблачает» назойливо и не осмеивает проповедника «тихой жизни» Галушку. В том и заключается артистический такт исполнителя, что он ничего не указывает зрителю и ничего не навязывает. Он играет не мнение о Галушке, а самого Галушку, он создает тип, а не критический разбор своего персонажа. Крушельницкий отлично знает, что зрителю приятно самому понять и самому рассудить. И оттого зритель так увлеченно следит за поведением Галушки, за ходами и переходами роли.

Самый образ Галушки создается Крушельницким остроумно и в точном соответствии с внутренним замыслом. Его Галушка подносит чарку к губам с чувством, с толком, с расстановкой, но прежде чем выпить, он пьет драгоценную влагу глазами, он осязает ее взором... Текст своей речи Крушельницкий уснащает всеческими «междуречьями». Там, где ему не хватает слов, он прибегает к каким-то нечленораздельным восклицаниям. Его возглас «айя» имеет на протяжении пьесы десятки разнообразных значений.

Наконец, в финале Крушельницкий, выручая своего Галушку из затруднения, играет так, как он играл бы гоголевского Городничего. Он становится по-настоящему патетичен. И даже при отсутствии так необходимого здесь монолога актер создает средствами своей игры этот ненаписанный автором текст.

Три украинских образа, показанных Крушельницким, — не просто три мастерски написанных художником портрета. Это — итог больших дум и наблюдений, это Сорочинская ярмарка и Запорожская сечь, старая деревня и современный колхоз, но, самое главное, — это жаркая любовь к своему народу, к его будням и праздникам. Это — мечта о будущем, песни кобзарей, сказания бандуристов и веселое пиликанье деревенских скрипок.